

И. С. ШЕПЕЛЕВ

МЕСТО И ХАРАКТЕР ДВИЖЕНИЯ И. М. ЗАРУЦКОГО В ПЕРИОД КРЕСТЬЯНСКОЙ ВОЙНЫ И ПОЛЬСКО-ШВЕДСКОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ

(до ухода его из-под Москвы) 1606—1612 гг.

Бурные общественные события в России начала XVII в. выдвинули немало известных политических и военных деятелей. Одним из них был казацкий атаман Иван Мартынович Заруцкий, о политической роли которого в исторической литературе имеются самые разноречивые мнения.

В дореволюционной историографии Заруцкий характеризуется как авантюрист, грабитель и даже агент польского короля Сигизмунда. В представлении Н. М. Карамзина — это человек «смелый и лукавый, которого выбрали атаманом грабители-казаки».¹ С точки зрения С. М. Соловьева — Заруцкий, опираясь преимущественно на донских казаков, грабил жителей независимо от их положения.² Н. И. Костомаров изображает Заруцкого руководителем казачества, пришедшего под Москву «не для того, чтобы спасти отечество, которого для него собственно не было, а для грабежей и своевольства».³ В. Завьялов, заимствуя у Карамзина оценку Заруцкого как смелого, опытного в военном деле атамана, вместе с тем видит в нем прямого пособника польского короля.⁴ И. Железнов считает Заруцкого атаманом запорожских казаков.⁵ С. Ф. Платонов, говоря о действиях Заруцкого, ограничился пере-

¹ Н. М. Карамзин. История государства Российского, кн. III, т. XII. СПб., 1842, стр. 35, 176, 184—185, 195.

² С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. II, т. VIII. СПб., 1894, стр. 102.

³ Н. И. Костомаров. Смутное время, т. III. СПб., 1883, стр. 998.

⁴ В. Завьялов. Заруцкий в Астрахани и на Урале. Оренбургские губ. ведом. 1853 г., стр. 2—6, 17—22.

⁵ И. Железнов. Маринкин городок. Библ. для чтения, 1860, февраль, СПб.

сказом содержания источников и своего отношения к нему не определил. Судя по отдельным замечаниям, он придерживался точки зрения С. М. Соловьева.⁶

Советские историки, характеризуя Заруцкого, в большинстве случаев повторяют принципиальную оценку его движения, данную дореволюционной историографией. И. С. Тхоржевский, например, считает Заруцкого вождем казачества, который «все время тайно или явно тяготел к полякам».⁷

Детально исследовал деятельность Заруцкого в 1613—1614 гг. В. Н. Бернадский. Он проанализировал состав войска Заруцкого, подробно описал его путь от Москвы к Астрахани, остановился на сражении с царскими войсками и сделал попытку определить причины и цель этого похода на юг.⁸

Характеристика Заруцкого, однако, дана Бернадским в более резких тонах, чем даже у дворянских и буржуазных историков. По его утверждению, Заруцкий — авантюрист, грабитель, убийца, пособник польских интервентов, оружие в руках персидского шаха, беспринципный человек, потерявший социальный облик. У движения Заруцкого «нет сколько-нибудь значительной социальной базы. Источники не содержат никаких указаний на поддержку или хотя бы сочувственное отношение низов города и деревни к Заруцкому. Источники ни разу не дают даже косвенных указаний на присоединение к отряду Заруцкого крестьян или участие их в разгроме помещичьих усадеб. Его отряд таит. От него бегут дворяне и дети боярские, разбегаются даже казаки».⁹ Бернадский не пытается объяснить, почему источники не указывают на участие посадских людей и крестьян в отрядах Заруцкого, не объясняет он и того, как Заруцкому при такой ситуации удалось продержаться в Заокско-Рязанском крае более года, с июля 1612 по август 1613 г., и что собой представляли те казаки, которые покинули Заруцкого. В подтверждение своих мыслей о Заруцком Бернадский ссылается на челобитные царю дворян и детей боярских, которые указывали на разорение их поместий казаками, черкасами, нагаями и крымскими татарами. В. Н. Бернадский полагает, что Заруцкий и его ратники грабили и разоряли всех без разбора, хотя об этом нет ни одной челобитной ни крестьян, ни посадских людей городов. В заключении своего исследования В. Н. Бернадский говорит: «Заруцкого не поддерживали крестьяне, силы Заруцкого заключались только в части казачества, преимущественно черкасов и волжских казаков. Отряд Заруцкого был неустойчив по своему составу, по харак-

⁶ С. Ф. Платонов. Очерки по истории смуты в Московском государстве XVI—XVII вв. СПб., 1899, стр. 520, 547.

⁷ С. И. Тхоржевский. Народные волнения при первых Романовых. Пгр., 1924, стр. 44—46.

⁸ В. Н. Бернадский. Конец Заруцкого. Уч. зап. ЛГПИ, т. 19, 1939.

⁹ Там же, стр. 93.

теру своей деятельности мало чем отличался от банд лисовчиков. Заруцкий — агент польских интервентов, он порывал с ними только тогда, когда панская оценка его заслуг не удовлетворяла его необузданного честолюбия».¹⁰

Не менее резкая характеристика движения Заруцкого дана в «Очерках по истории СССР». Об уходе Заруцкого из-под Москвы в 1612 г. там сказано: «С Заруцким и вслед за ним ушли лишь те отряды, которые состояли из припелыцев-авантюристов или из людей, потерявших связь с родной страной и мечтавших только о добыче...». «На юге (Росси, — *И. Ш.*) орудовали разбойничьи шайки авантюристов И. Заруцкого и М. Мнишек».¹¹

Некоторые данные о движении Заруцкого имеются в монографии И. И. Смирнова «Восстание Болотникова» и в предисловии, написанном им к изданию «Хроники» Конрада Буссова. В монографии И. И. Смирнов указывает на то, что «с восстанием Болотникова связал свои первые политические шаги Заруцкий».¹² В предисловии к «Хронике» Буссова он обстоятельно рассматривает события, связанные с убийством Лжедмитрия II в декабре 1611 г. в Калуге, и дает оценку поведению Заруцкого.¹³

Опираясь на «Хронику» Буссова и «Новый летописец», Смирнов склонен думать, что после рождения сына у Марины Заруцкий связал с ней свою судьбу, а казачество присягнуло верно служить «царевичу Ивану Дмитриевичу».

Иной точки зрения на Заруцкого, на мой взгляд правильной, придерживается Н. П. Долинин. Отправным моментом в оценке движения Заруцкого для Долинина является анализ состава подмосковного ополчения и политика, проводимая Трубецким и Заруцким. Долинин указывает, что «характерной особенностью полков, стоявших под Москвой, являлось численное преобладание в них казачества над дворянами и детьми боярскими».¹⁴ В другом месте той же книги он пишет: «В подмосковном ополчении 1611—1612 гг. главную массу составляли казаки, значительная часть которых являлась выходцами из беглых крестьян и холопов».¹⁵ Автор справедливо подчеркивает, что нельзя смешивать в одну кучу «Заруцкого, использовавшего события в своих авантюрных целях... с социальными силами, которые его поддерживали, но не имели ничего общего с его замыслами».¹⁶ Следует признать

¹⁰ В. И. Вернадский. Конец Заруцкого, стр. 93.

¹¹ Очерки истории СССР. Конец XV—начало XVII в. М., 1955, стр. 586, 599.

¹² И. И. Смирнов. Восстание Болотникова. 1606—1607. М., 1951, стр. 508.

¹³ Конрад Буссов. Московская хроника. М.—Л., 1964, стр. 28—30.

¹⁴ Н. П. Долинин. Подмосковные полки (казацкие таборы) в национально-освободительном движении 1611—1612 гг. Харьков, 1958, стр. 72.

¹⁵ Там же, стр. 119.

¹⁶ Там же, стр. 47.

правильным замечание Долинина и о том, что Заруцкий ушел из-под Москвы к Коломне в июле 1612 г., «чтобы снова связать свою судьбу с Мариной Мнишек и ее сыном „воренком“». ¹⁷ Однако надо заметить, что Заруцкий со времени убийства Лжедмитрия II в Калуге никогда не порывал связей с Мариной, поэтому «снова» ему связывать свою судьбу с ней не было надобности.

Суммируя высказывания дореволюционных и советских историков о движении Заруцкого, следует отметить, что многое остается неясным. Мне представляется, что и характеристика самого Заруцкого и тем более социальных сил, на которые он опирался, нуждается в дополнительном уточнении и оценке. Эту задачу и ставит перед собой автор.

Начало участия Заруцкого в общественно-политических событиях России источники относят к 1604—1605 гг. и связывают его с появлением Лжедмитрия I. Так, в Статейном списке посольства Ивана Брехова в Персию от 1614—1615 гг. сказано, что Заруцкий «с первым вором з Гришкою Отреньевым, и з другим, которой в того вора места живым назывался, был вместе и всякое зло Московскому государству чинил...». ¹⁸

На связь Заруцкого с Лжедмитрием I указывает и Буссов. Рассказывая о пребывании Заруцкого летом 1607 г. в Стародубе и о встрече его с новым самозванцем — Лжедмитрием II, Буссов пишет: «Он (Заруцкий, — *И. Ш.*) очень обрадовался приезду Дмитрия, поспешил к нему, чтобы передать... письма (от Болотникова, — *И. Ш.*), но с первого взгляда понял, что это не прежний Дмитрий, однако на людях виду не показал и, невзирая на это, воздал ему царские почести». ¹⁹

В каком году Заруцкий оказался в составе рати Лжедмитрия I, из приведенных источников заключить нельзя; но в том, что он участвовал в событиях, связанных с именем первого самозванца, не возникает сомнения. Из источников, которые деятельность Заруцкого связывают с движением донского казачества, можно заключить, что Заруцкий оказался у самозванца осенью 1604 г. По всей вероятности, он был в той группе казачества, которая вошла в состав войска Лжедмитрия еще в Польше. ²⁰

Такое предположение основано на том, что источники считают Заруцкого не русским по происхождению. Автор «Иного сказания» называет его «паном», ²¹ Авраамий Палицын и Бус-

¹⁷ Там же, стр. 113.

¹⁸ С. Б. Веселовский. Памятники дипломатических и торговых отношений Московской Руси с Персией, т. II. СПб., 1892, стр. 318.

¹⁹ Конрад Буссов. Московская хроника, стр. 144—145.

²⁰ Новый летописец кн. Оболенского. М., 1855, стр. 61; Конрад Буссов. Московская хроника, стр. 100; Исаак Масса. Краткое известие о Московии в начале XVII в. М., 1937, стр. 78; Сказание Авраамия Палицына. Под ред. Л. В. Черепнина. М.—Л., 1955 (далее: П а л и ц ы н), стр. 78.

²¹ РИБ, т. XIII, стб. 126.

сов — «поляком»,²² Мархоцкий и Жолкевский — уроженцем «из Торнополя»,²³ Маскевич — «волынецом»,²⁴ Петрей — «белорусом»,²⁵ в царских грамотах Заруцкий именуется «черкашенином», т. е. украинским казаком.²⁶

Думаю, что, говоря о происхождении Заруцкого, следует доверять показаниям Мархоцкого и Маскевича, так как они непосредственно сталкивались с Заруцким по службе. О социальном положении Заруцкого говорит лишь Пискаревский летописец, сообщая, что он родом «от простых людей».²⁷ Этим, видимо, и объясняется близость Заруцкого к казакам и выдвижение его казачьим атаманом. Знание Заруцким русского и в какой-то мере польского языков позволяло ему руководить донскими казаками и черкасами и общаться с польскими панями, а впоследствии войти в контакт с Мариной Мишкек. Из этих же источников видно, что Заруцкий обладал качествами, достойными атамана. Автор «Иного сказания» писал: «И сей бысть не нехрабр и сердцем лют, но нравом лукав».²⁸

Катырев-Ростовский называет Заруцкого «мужем не без великой храбрости».²⁹ По свидетельству гетмана Жолкевского, Заруцкий — «неугомонная голова, ему доставало сердца и смысла на все, особенно ежели предстояло сделать что-либо злое».³⁰

Итак, Заруцкий с самого начала появления Лжедмитрия I в России включился в движение вместе с социальными низами. Сам он, вероятно, был казаком. После вступления Лжедмитрия на русский престол Заруцкий, как и все казаки, вернулся на Дон или в Северскую Украину. С обострением классовых противоречий в 1606 г. и началом восстания И. Болотникова Заруцкий вместе с казачеством стал его участником. Будила называет Заруцкого вторым вождем крестьянской войны. Он пишет, что после поражения рати Болотникова под Москвой Заруцкий ушел в Тулу, где «немало перебил людей у Шуйского, когда тот несколько раз покушался взять ее».³¹ Надо предполагать, что Заруцкий получил задание от Болотникова идти к Туле для связи с воеводами Григорием Шаховским и кн. Телятевским, которые готовили дополнительные силы. О близости Заруцкого с Болотниковым говорит посылка его

²² Палицын, стр. 241; Конрад Буссов. Московская хроника, стр. 144.

²³ Записки гетмана Жолкевского о московской войне. Изд. П. А. Мухомовым, СПб., 1871, стр. 83.

²⁴ Н. Устрялов. Сказания современников о Дмитрии Самозванце, ч. II. СПб., 1859, стр. 31.

²⁵ Петр Петрей де Ерлезунда. История о Великом княжестве Московском. М., 1867, стр. 27.

²⁶ ААЭ, т. XI, СПб., 1836, № 18.

²⁷ Материалы по истории СССР, вып. II, М., 1955, стр. 144—145.

²⁸ РИБ, т. XIII, стб. 126, 1136.

²⁹ Там же.

³⁰ Записки гетмана Жолкевского о московской войне, стр. 116.

³¹ РИБ, т. I, стр. 121.

из Тулы с письмами в Польшу к «царю Димитрию» — второму самозванцу. Цель отправления Заруцкого Болотниковым хорошо раскрывается Буссовым. Он пишет: «Болотников послал из осажденного города одного поляка, Ивана Мартыновича Заруцкого, который должен был разузнать, что с государем, которому Болотников присягал в Польше. Собирается ли он приехать сюда и как вообще обстоит дело с ним».³²

Сказанному Буссовым можно вполне верить, так как рать Болотникова в июне 1607 г. находилась в затруднительном положении. Тула была со всех сторон окружена войсками Шуйского. Болотников нуждался в помощи воинами и провиантом. К тому же вера в спасшегося царя Димитрия без появления его в России теряла свое значение.

Заруцкий добрался до Стародуба Северского и, встретившись там с Лжедимитрием II, остался у него на службе. Вероятно, он не вернулся в Тулу, во-первых, потому, что в июне 1607 г. под Тулой стояла стотысячная царская армия и при таком положении легко было оказаться в плену и тем самым раскрыть замысел Болотникова; во-вторых, потому, что перед ним стояла задача прийти в Тулу с войсками самозванца, а в июне 1607 г. у Лжедимитрия II их почти не было. Заруцкий своим присутствием в лагере Лжедимитрия должен был ускорить мобилизацию и поход ратных сил в Тулу. Военные силы самозванца уже в сентябре 1607 г. оставили Стародуб и пошли к Брянску. В октябре они были под Белевом. В походе участвовала, кроме поляков, значительная часть крестьян и мелких служилых людей Северной Украины. Но при всем этом соединении сил Лжедимитрия II и Болотникова не состоялось. 10 октября Тула капитулировала. Весть о поражении Болотникова внесла панику в войско самозванца, и оно в расстроенном порядке вернулось в Северскую Украину. Начался новый этап подготовки похода на Москву. Центром сосредоточения сил Лжедимитрия II на этот раз был город Стародуб. В течение октября—ноября 1607 г. сюда пришло значительное количество поляков, увеличилось число и русских ратников. В мобилизации ратных сил немалую роль играл Заруцкий. По утверждению Мархоцкого, он зимой 1608 г. привел с собою в Орел три тысячи запорожских и пять тысяч донских казаков.³³ С этого времени Заруцкому было поручено предводительствовать донскими казаками и примыкавшими к ним крестьянами. Мархоцкий пишет, что казаки, стрельцы и воины из крестьян входили в состав двух групп: одной командовал Лисовский, другой — атаман Заруцкий.³⁴ Значительная часть каза-

³² Конрад Буссов. Московская хроника, стр. 144.

³³ Mikolaj Marchocki. *Historya Wojni moskiewskiy*. Poznan, 1841, стр. 19.

³⁴ Там же.

ков и крестьян, влившихся в войско Лжедмитрия II, состояла из участников восстания Болотникова.

Заруцкий участвовал во всех крупных сражениях: под Болховом, Москвой и другими городами. В битве на Ходынке 24 июня 1608 г. он руководил правым крылом рати самозванца. Ему было поручено нанести удар татарам.³⁵ В августе 1609 г. Заруцкий в составе войска Сянеги ходил с казаками под Колязин против Скопина-Шуйского.³⁶

Казаки в Тушине занимали видное место и играли в борьбе с войсками Шуйского не последнюю роль. Без них не обходилось ни одно сражение. Они являлись самостоятельной боевой единицей с атаманами и сотниками и непосредственно подчинялись Заруцкому. В 1608—1609 гг. Заруцкий был в большом фаворе у Лжедмитрия и гетмана Рожинского. Он числился не только главным атаманом донских казаков, но и боярином, ведавшим одним из приказов.³⁷

Но теперь, убедившись в ничтожестве Лжедмитрия и стремясь сохранить свое положение на уровне боярина, Заруцкий противопоставил себя рядовой массе казачества, которая верна была самозванцу. Подобная позиция Заруцкого и назревание кризиса в Тушинском лагере раскололи казаков на две группы. Казацкая верхушка и так называемые «старые» казаки, ранее находившиеся на царской службе, остались с Заруцким, рядовые казаки ушли следом за Лжедмитрием в Калугу.³⁸ Заруцкий, потеряв веру в Лжедмитрия, склонился на сторону поляков. В феврале 1610 г. он с патриархом Филаретом и боярином Салтыковым участвовал в переговорах с представителями короля Сигизмунда III по поводу принятия на русский престол Владислава.³⁹ После заключения договора и разгрома интервентов под Дмитровом русскими войсками Заруцкий вместе с тушинцами-поляками отправился к Смоленску.

Лжедмитрий, пытаясь вернуть Заруцкого с казаками в Калугу, послал в Тушину Ивана Плещеева, но эта попытка не увенчалась успехом. Правда, и Заруцкому не удалось увести с собой всех казаков. Как явствует из «Хроники» Буссова, «многие казаки, которым до смерти надоела эта диковинная война, ушли снова в Дикое поле».⁴⁰

Тхоржевский и Бернадский объясняют переход Заруцкого на сторону польских интервентов тем, что он тайно или явно тяготел к ним.⁴¹ Мне представляется такой вывод неубедительным.

³⁵ РИБ, т. I, стб. 135—136.

³⁶ Палицын, стр. 187.

³⁷ Сборник князя Хилкова, СПб., 1879, стр. 76—77.

³⁸ РИБ, т. I, стб. 543.

³⁹ Там же, стб. 524.

⁴⁰ Конрад Буссов. Московская хроника, стр. 163.

⁴¹ С. И. Тхоржевский. Народные волнения..., стр. 1.

Если Заруцкий временами и примыкал к некоторым из польских панов, то только потому, что искал для себя более выгодного положения. В составе же королевской армии он служил лишь до сентября 1610 г. В конце этого месяца, когда интервенты во главе с Жолкевским заняли Москву, Заруцкий с несколькими сотнями донских казаков бежал через Серпухов в Калугу.⁴² Источники не объясняют причину разрыва Заруцкого с поляками. С занятием поляками Москвы его престиж стал падать, и он, очевидно, видел единственный выход из этого положения в уходе в Калугу к самозванцу. В Калуге Заруцкий снова стал предводителем над всем казачеством и пользовался правами наравне с князьями Д. Т. Трубецким и Г. Шаховским. Казаков в Калуге было гораздо больше, чем дворян и детей боярских. По свидетельству Будилы, еще 6 сентября 1610 г., когда надежды самозванца на занятие Москвы были потеряны, «более знатные», находившиеся при нем, «присоединились к москвичам, а казачество и меньшие бояре пошли за царем в Калугу».⁴³ К концу сентября калужский лагерь по своему национальному составу стал преимущественно русским, так как польская рать с Сапегой ушла в Северскую Украину.

Вся калужская рать делилась на три группы: казаков во главе с Заруцким, дворян и детей боярских с князьями Д. Т. Трубецким и Г. Шаховским и татар под предводительством Петра Урусова. Наиболее устойчивой и преданной Лжедмитрию группой были казаки. Что касается дворян и детей боярских, то они не прочь были примкнуть к московским служилым людям, ждавшим на русский престол королевича Владислава. Татары, возглавляемые Урусовым, проявили такое же непостоянство, как и в 1607 г., после поражения Болотникова. Калужский лагерь их сковывал и тяготил. Среди татар, по всей вероятности, были агенты короля Сигизмунда, которые не без его влияния расправились с самозванцем.

11 декабря 1610 г. Петр Урусов с группой татар убил Лжедмитрия II, после чего большинство татар покинуло Калугу. По свидетельству летописца, смерть Лжедмитрия вызвала мятеж со стороны горожан и донских казаков. Они «взволновашася градом всем и татар побиша всех, кои в Калуге были», а труп самозванца похоронили «честно в соборной церкви у Троицы».⁴⁴

Из расспросных речей двух романовских татар известно, что казаки решительно расправились с татарской знатью, убив «лучших мурз Алея Мурзу Шейдякова да Стралея Мурзу, да Кара Богатыря и иных... а дворы их разграбили». Убийство самозванца сильно сказалось на настроении Заруцкого. Он пытался

⁴² Записки гетмана Жолкевского о московской войне, стр. 83.

⁴³ РИБ, т. I, стб. 210.

⁴⁴ ПСРЛ, т. XIV, ч. 1, стр. 405.

бежать из Калуги, но его «изымали миром... из острогу не отпустили».⁴⁵

В дневнике указывается, что мятеж народных масс был усмирен князем Шаховским.⁴⁶

Совокупность приведенных данных о событиях в Калуге позволяет заключить, что смерть самозванца вызвала негодование против убийц лишь у рядовых горожан и донских казаков во главе с Заруцким, что прямыми убийцами были представители татарской знати и что служилые люди — дворяне и дети боярские во главе с князем Шаховским и Трубецким — не только не выступили против татар, но постарались потушить гнев народа.

Определенную роль сыграло и рождение Мариной сына, которому калужские люди все «обрадовались и назову его царевичем и крестиша его честно»,⁴⁷ — иначе говоря, признали его законным наследником «царя Димитрия». Донские казаки объявили себя сторонниками Марины. Калужский лагерь в связи с этим распался. Марина с Заруцким и казаками, которых насчитывалось в это время до 1500 человек, переехали в Тулу, а Шаховской и Трубецкой с дворянами и детьми боярскими остались в Калуге.

Заруцкий, таким образом, связал свою судьбу с Мариной Мишишей и поставил целью посадить Марину с сыном на царский престол. Эта идея активно поддерживалась в 1611 г. не только казаками и примыкавшими к ним холопами и крестьянами, но и мелкими служилыми людьми: детьми боярскими и стрельцами. Социальные силы, на которые опирался Заруцкий, значительно пополнились в процессе организации первого Земского ополчения. В связи с этим положение Заруцкого оказалось более прочным.

Развернувшееся национально-освободительное движение в январе—марте 1611 г. всколыхнуло широкие слои народных масс, охватив огромную территорию Русского государства. На призывы Прокопия Ляпунова, патриарха Гермогена, жителей отдельных городов откликнулись и бывшие тушинцы. К Рязанскому и Замосковным уездам ополчению из Калуги пришли ратники во главе с князем Д. Т. Трубецким, из Тулы — Заруцкий, а с ним «дворяне и дети боярские многих городов и многие атаманы и казаки и севрюки и всякие служилые люди».⁴⁸

Кобержицкий указывает, что в первом ополчении «донские казаки составляли значительную часть... их привел гетман Заруцкий, всею душою преданный вдове самозванца. Ляпунов обманывал гетмана надеждою, что по изгнанию поляков сын Марины будет возведен на престол».⁴⁹ Особенно пополнилось ополчение со-

⁴⁵ АИ, т. II, № 307.

⁴⁶ РИБ, т. I, стб. 712.

⁴⁷ ПСРЛ, т. XIV, ч. 1, стр. 105.

⁴⁸ А. П а л и ц ы н, стр. 215.

⁴⁹ С. К о б е р ж и ц к и й. История Владислава. Сын отечества, кн. III, 1842, стр. 7.

циальными низами после опубликования воеводами грамоты на имя казанского митрополита. В ней они писали: «А которые казаки с Волги и из иных мест придут к нам к Москве в помощь и им будет всем жалованье и порох и свинец; а которые боярские люди крепостные и старишныи и те б шли безо всякого сумнения и боязни, всем им воля и жалованье будет, как и иным казакам, и грамоты им от бояр и воевод и ото всей земли приговору своего дадут».⁵⁰ Эти обещания воевод вполне устраивали угнетенных людей, и они приходили массами в ополчение. Холопы и крестьяне, прибывшие в ополчение, причисляли себя к казакам. Участник второго ополчения, повородец Баим Болтин, заметил, что в «казаках были холопы боярские, и всякие воры ярыжные и зершники».⁵¹ Немало в ополчение пришло и московских посадских и всяких людей в результате разгрома поляками народного восстания в Москве 19—21 марта 1611 г. О службе холопов, крестьян и посадских людей в ополчении и о причислении ими себя к казакам убедительно говорит указ царя Михаила Федоровича от 1620 г.⁵²

Таким образом, ополчение оказалось в социальном отношении весьма пестрым и делилось оно на дворян и детей боярских, прибывших из замосковных уездов и Рязанского края под предводительством П. Ляпунова, дворян и детей боярских, ранее служивших в Тушине во главе с князем Д. Т. Трубецким, и казаков, холопов, крестьян и стрельцов, возглавляемых Заруцким. Первые две группы ратников были лучше вооружены, одеты и обуты и имели больший достаток. Третья группа крайне нуждалась в провианте и оружии. Она нередко оставалась без питания, что вынуждало многих покидать ополчение и самостоятельно добывать продукты.

Опираясь на эти силы, Заруцкий занимал важное место в избранном правительстве и играл не последнюю роль в руководстве ополчением. Он, как боярин, стоял на втором месте после князя Трубецкого, Ляпунов — на третьем. Однако между Заруцким и Ляпуновым, так же как и между лагерем Ляпунова и лагерем Заруцкого, не было единства. И чем больше становилось сил у Заруцкого, тем резче обострялись их взаимоотношения. Если общая задача в какой-то мере была единой — борьба за освобождение Москвы, — то конечные цели были различными. Ляпунов, как и все дворяне, думал восстановить в результате разгрома интервентов прежний дворянско-крепостнический порядок во главе с русским царем. Заруцкий и казачество мыслили использовать

⁵⁰ СГГД, т. II, № 251, стр. 537.

⁵¹ Памятники Нижегородского движения в эпоху смуты. Действия Нижегородской губернской архивной комиссии, сб. XI, Нижний Новгород, 1912, стр. 415.

⁵² ААЭ, т. III, № 92.

силы ополчения для возведения на престол Марины с ее сыном. Это, конечно, не значило, что Заруцкий желал видеть казачье правительство, но казаки и все подвластные Заруцкому социальные силы верили в то, что приход Марины к власти принесет им гораздо больше прав. Подтверждением таких выводов могут быть результаты решения Совета всей земли от 22 июня 1611 г. Дело в том, что в июне обстановка резко ухудшилась. Город Смоленск был накануне падения в результате осады его интервентами. На северо-западе России активизировали свои действия шведы, заняв ряд городов и угрожая Великому Новгороду. Под Москвой открыто стал помогать осажденным полякам гетман Сапега, а в ополчении все больше обострялись классовые противоречия. Прокопий Ляпунов и дворянство ради предотвращения опасности со стороны шведов, приостановки их интервенции, выразили свое согласие после изгнания польских интервентов вернуться к обсуждению кандидатуры шведского принца на русский престол. Казаки и остальные тушинцы выступили против. Они по-прежнему стояли за возведение на царство Марины с сыном. Совет всей земли от 22 июня стал прелюдией к созыву Совета от 30 июня 1611 г. На этом Совете было избрано правительство, определены права и обязанности воевод ополчения и утвержден приговор, который явился и конституцией и программой действий ополчения. В приговоре было предусмотрено ограничение прав воевод, особенно это касалось Заруцкого, который нередко допускал произвол как в интересах казачества, так и в своих собственных. Во владении Заруцкого к этому времени оказались «важская земля на Севере, село Раменье, село Шубино с деревнями в Зубцовском уезде».⁵³ Заруцкий и Трубецкой без ведома Ляпунова посылали сборщиков в уезды за провиантом и приказывали сдавать его не в общее пользование ополчения, а для своих людей — тушинцев. Заруцкий потакал казакам, самочинно ходившим за продуктами. Ляпунов пытался пресечь произвол в ополчении.

Приговор от 30 июня в правовом и политическом отношении резко ограничил казаков и крестьян. Он был шагом назад по сравнению с апрельской грамотой воевод на имя казанского митрополита. В приговоре предусматривались и отстаивались политические права лишь для дворянства. Дворяне могли занимать государственные служебные посты, быть воеводами в городах, жаловались землями и деньгами. Рядовым казакам обещалось только денежное жалованье. Крестьяне, боярские холопы должны были оставаться за своими прежними господами. Не получила желаемых прав и казачья старшина. Атаманы, сотники при-

⁵³ С. Ф. Платонов. Очерки по истории смуты..., стр. 14; С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. II, т. VIII, стр. 963.

равнивались к детям боярским лишь по земельным дачам. Они вместо жалованья могли получить земельные участки.⁵⁴

Приговор 30 июня, таким образом, не улучшил положения в ополчении; напротив, он обострил классовые противоречия между дворянами и детьми боярскими, с одной стороны, казаками и крестьянами — с другой. Вместе с тем увеличивался накал отношений между Заруцким и Ляпуновым. Трубецкой же, по выражению С. М. Соловьева, был в тени.

Заруцкий ловко использовал вражду социальных низов по отношению к Ляпунову. 22 июля 1611 г. казаки убили Ляпунова.⁵⁵

Смерть Ляпунова отрицательно сказалась на составе и численности ополчения. Вскоре из него ушли дворяне и дети боярские Рязанского края и замосковских уездов. А. Палицын говорит: «... под Москвою остались боярин и воевода князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой да Иван Заруцкой да Ондрей Просовецкой с казаками своими».⁵⁶

Уход из ополчения сторонников Ляпунова вполне устраивал тушинских бояр и особенно Заруцкого. Заруцкий стал главным предводителем подмосковного лагеря. Теперь подавляющая часть лагеря боролась за освобождение Москвы от интервентов и возведение на престол Марины Мнишек с сыном. Эта идея поддерживалась социальными низами не только южных, но и других уездов. До организации второго Земского ополчения значительная часть уездов Русского государства оказывала посильную помощь подмосковному лагерю и смотрела на Заруцкого и Трубецкого как на руководителей освободительной борьбы. О положительном отношении социальных низов к Заруцкому и его единомышленникам убедительно говорит отписка лучших людей города Ярославля. Они писали, что «лавецкие слободы» отложились от них, «не хотят с ними (лучшими людьми, — *И. Ш.*) всяких потугов тянуть и служб служить, чтоб им жить в избытке, ехав в полки под Москву и заложившись за нашего изменника за Ивашка Заруцкого».⁵⁷

Оставаясь под Москвой после смерти Ляпунова главным предводителем лагеря, Заруцкий (и силы, на которые он опирался) неоднократно вступал в борьбу с интервентами. Вот как харак-

⁵⁴ И. С. Шепелев. Вопросы государственного устройства и классовые противоречия в первом Земском ополчении. Сб. научных трудов Пятигорского пединститута, вып. 2, 1948, стр. 126—129.

⁵⁵ Н. П. Долинин, ссылаясь на «Новый летописец» и «Хронограф Столяра», пишет, что в стихийном движении рядового казачества против Ляпунова Заруцкий не участвовал. Подтверждением тому является грамота нижегородцев в Вологду в сентябре 1612 г. В ней говорится, что Ляпунова убили по наущению Ивана Шереметева, кн. Гр. Шаховского и Ивана Плещеева (см.: Н. П. Долинин. Подмосковные полки..., стр. 48).

⁵⁶ Палицын, стр. 217.

⁵⁷ Цитирую по работе Долинина: Подмосковные полки..., стр. 69.

теризует Будила поведение Заруцкого после убийства Ляпунова: «Заруцкий, желая показать русским свою верность, задумал добывать Девичий монастырь, в котором утвердились наши, чтобы оберегать дорогу в Можайск и в Польшу. Он послал войска на приступ и добывал его день и ночь и когда не мог его взять, то оставив лишь часть войска для охранения стен Белого города, остальное силой выбил из Табора и с этою большою силою стал брать его (монастырь, — *И. Ш.*) приступом. Наши долго отбивались, но когда у них не стало пороху, должны были сдаться. Заруцкий жестоко расправился с сидевшими в монастыре». ⁵⁸ Как видим, Заруцкий для сохранения своего престижа решительно дрался с поляками. Но когда нужно было ему, он в этих же целях готов был и привлекать их на свою сторону. Так, он в письме к гетману Сапеге обращался с просьбой прислать своих людей для переговоров, предлагал ему отложиться от короля и перейти на сторону подмосковного лагеря. ⁵⁹

К началу 1612 г. в подмосковном лагере насчитывалось до 5 тысяч ратников. Этими силами Заруцкий и Трубецкой не только держали в осаде польско-литовских интервентов, но и наносили ощутимые удары приходящим ратникам от Сигизмунда. Так, в сентябре 1611 г. под Москвой потерпел поражение гетман Ходкевич. ⁶⁰ Численность подмосковного лагеря заметно увеличивалась зимой и весной 1612 г. в связи с организацией и началом действий ополчения Пожарского. Как известно, в своих грамотах предводители этого ополчения, призывая население к национальному единству и решительной борьбе с иноземными захватчиками, убеждали не признавать Марины и ее сына претендентами на царский престол, уличали Заруцкого и казаков в «воровстве», в том, что «Иван Заруцкий многие грады и дворцовые села и черные волости и монастырские волости себе поимал и советникам своим дворянам и детям боярским и атаманам и казакам роздал». ⁶¹ Конечно, в этом сообщении есть немалая доля правды. Заруцкий и Трубецкой, пользуясь правом воевод подмосковного ополчения, несомненно жаловали и дворян и отдельных казаков земельными дачами, а также подтверждали право служилых людей на поместья и крестьян. Об этом свидетельствует их грамота Темниковскому посадскому целовальнику и площадному подьячему об отмежевании старой вотчины Пурдышского монастыря игумену Арсению с братьею, захваченной крестьянами села Девичья Рукава. Трубецкой и Заруцкий указали крестьянам вернуть эти земли монастырю. ⁶² Однако в грамоте Минина и Пожарского утверждение относительно раздачи

⁵⁸ РИБ, т. I, стб. 251, 252.

⁵⁹ Сборник князя Хилкова, стр. 77—78.

⁶⁰ С. Робержицкий. История Владислава, стр. 12—13.

⁶¹ АЛЭ, т. 2, № 203.

⁶² См.: И. И. Смирнов. Восстание Болотникова, стр. 497.

Заруцким и Трубецким черных волостей явно преувеличено. У нас нет данных о массовом расхищении ими не только черных, но и помещичьих земель. Напротив, нам известно об испомещении Заруцким смоленских дворян и детей боярских на землях изменника боярина Мстиславского в Арзамасском уезде.⁶³

Воеводам второго ополчения своими призывами удалось привлечь к себе значительную часть бояр, дворян, детей боярских, посадских верхов Севера и Замосковского края. С организацией и походом второго ополчения к Москве произошло дальнейшее размежевание социальных сил. Например, с прибытием передового отряда ополчения в Суздаль оттуда ушли под Москву все казаки.⁶⁴ Размежевание сил в подмосковном лагере мы наблюдаем и в связи с появлением в Пскове нового самозванца. Признание его в подмосковном лагере значительно подорвало доверие народных масс и к лагерю и к его предводителям.⁶⁵

С приходом ополчения в Ярославль и активизацией борьбы его против казаков, находившихся в замосковских уездах и городах, отношения между подмосковным лагерем и вторым ополчением резко ухудшились. Силы, на которые опирался Заруцкий, смотрели на второе ополчение и на его руководителей как на своих противников. С победой второго ополчения над интервентами идея о возведении Марины с сыном на русский престол теряла свое значение. Вот почему Заруцкий предпринял попытку организовать покушение на князя Пожарского.

Сначала Заруцкий отправил войско с целью захвата Ярославля. Город был занят, но Пожарский ответил на это посылкой ратников во главе с князем Д. П. Лопатой-Пожарским, который «приидоша в Ярославль и казаков переимаху и в тюрьму пересажаху».⁶⁶

Попытка убить князя Пожарского оказалась тщетной. Убийцы были схвачены. Раскрытие замысла Заруцкого создало для него нетерпимую обстановку под Москвой, а воеводам второго ополчения оно дало повод для усиления борьбы против казаков и ускорения похода к Москве.

В связи с покушением на Пожарского в подмосковном лагере назрело окончательное разложение его сил. Дворяне, дети боярские, стрельцы и ранее служившие казаки сплотились вокруг князя Д. Т. Трубецкого. Казацкая голытьба и вся собравшаяся вольница из холопов и крестьян держалась Заруцкого. Активные действия второго ополчения в Ярославле и Замосковном крае резко меняли обстановку в стране не в пользу Заруцкого. Силы и авторитет второго ополчения росли и крепились, силы подмосков-

⁶³ А. Н. Попов. Изборник славянских и русских сочинений. М., 1869, стр. 353.

⁶⁴ ПСРЛ, т. XIV, ч. 1, стр. 119.

⁶⁵ РИБ, т. I, стб. 237.

⁶⁶ ПСРЛ, т. XIV, ч. 1, стр. 118.

ного лагеря разлагались и слабели. Второе ополчение обростало служилыми людьми, городскими и сельскими массами северных и замосковских уездов. Лагерь Заруцкого держался преимущественно на так называемых вольных казаках.

Крестьянство, особенно южных и юго-западных уездов, было крайне разорено. Его хозяйство подвергалось грабежу войсками Бориса Годунова, Василия Шуйского, польскими интервентами, а в 1611 г. здесь кормился и грабил Ян Петр Сапега. Не раз вторгались в южные уезды нагайские и крымские татары. Крестьянам доставалось и от казаков, служивших под Москвой, а затем и от приказных людей второго ополчения и царского правительства. Это в свое время справедливо отметил С. М. Соловьев, сославшись на грамоту рязанского архиепископа и служилых людей этого уезда.⁶⁷ Однако многие источники все беды жителей относили на счет Заруцкого и казаков. А. Палицын писал: «А Иван Заруцкий, стоя под Москвой с казаками своими метяше всем воинством и всеми православными христианами, грабяще и паслующе...».⁶⁸

Кризисное положение Заруцкого и казаков под Москвой и грабительское их поведение, которое нельзя отрицать, несомненно отталкивали от них крестьян и посадских людей, не говоря уже о служилых людях. Но это не значило, что социальные низы выступали вместе с дворянством против Заруцкого. Я считаю правильными замечания Долинина о том, что «Арзамас, Курмыш... города Понизовья и в особенности Северские и южные украинные города еще в 1612 г. были за кандидатуру... „воренка“ с Мариной Мнишек. Эта кандидатура на царский престол устраивала не только казаков и боярских холопов..., но и в какой-то мере украинное южно-провинциальное дворянство...».⁶⁹

Вместе с тем надо прямо сказать, что Заруцкий, несмотря на свой авантюризм и колебания на отдельных этапах своей деятельности, казался гораздо ближе к угнетенным массам, чем любой дворянин или князь. Заруцкий в своем движении руководствовался одной политической идеей — борьбой за «царя Дмитрия», а когда его не стало — за его сына, за Марину, которую он считал царицей, с которой он навсегда связал свою судьбу. Заруцкий, по-видимому, верил в осуществление своих замыслов и тогда, когда действовало ополчение во главе с Мининым и Пожарским. Если бы этой веры у него не было, он мог бы пойти на компромисс с воеводами второго ополчения, не устраивать козни и остаться под Москвой вместе с князем Трубецким. Ни по социальным, ни по политическим мотивам Заруцкий и

⁶⁷ С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. 2, т. VIII, стр. 1052—1053.

⁶⁸ Палицын, стр. 221.

⁶⁹ Н. П. Долинин. Подмосковные полки..., стр. 108.

особенно силы, которые он использовал, не могли идти одним путем с князьями. Заруцкий был казацкий атаман с присущей ему казацкой психологией и казацким авантюризмом. Ему мерещилась сытая, вольная независимость при дворе Марины. Его цель, как и всей казацкой старшины, — любыми средствами поставить себя в ряды дворянства. В силу этого, связав свою судьбу с Мариной Мнишек, считавшей себя законной претенденткой на царскую власть, Заруцкий превратился в политического авантюриста.

Что касается сил, на которые он опирался, то они по-прежнему мечтали о «хорошем» царе, который обеспечил бы им казацкую вольность, свободу от господ-дворян. Их участие в событиях начала XVII в. нельзя не рассматривать как одну из форм классовой освободительной борьбы. Вот почему эти силы вместе с атаманом, Мариной и ее сыном решили уйти из-под Москвы, надеясь еще вернуться с победой. Интересы основных сил Заруцкого не совпадали с авантюрными замыслами их атамана. Казаки и не казаки, действовавшие под руководством Заруцкого и независимо от него, боролись не за укрепление власти боярско-крепостнического правительства, а за ослабление и крушение ее. Движение социальных сил, на которые опирался Заруцкий, — это не бандитизм, а сугубо социальное явление, вызванное сложным комплексом общественных событий и прежде всего обострением классовых противоречий.
